

ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

ЧУДЕСА
АЛИСЫ

ЕСТЬ актрисы, поражающие метаморфозой превращений. Сила других — в неуловимости перемен: вроде бы всегда одна и та же, и только глаза говорят — нет, совсем иная!

Алиса Фрейндлих, как мне кажется, совмещает в себе оба эти «измерения»: она всегда другая и всегда Фрейндлих.

Я вспоминаю ее творческий вечер в Москве, когда она необычайно щедро, роль за ролью, вводила нас в мир своих героинь. Перед нами возникла Алиса в стране чудес, ибо это действительно было чудом: после большеглазой девчонки-фантазерки Лики из «Моего бедного Марата», начинающей жизнь в блокадном Ленинграде, она превращалась в королеву Марию Антуанетту, едущую на казнь, затем — в растерзанную, распытую нуждой Катерину Ивановну из «Преступления и наказания», потом в очаровательную, полную душевной грации польскую певицу Гелену из «Варшавской мелодии», в юного ученого Уриэля Акосту, и, наконец, в судью Ковалева.

В недавнем решении о присуждении А. Фрейндлих Государственной премии РСФСР имени Станиславского названо три роли актрисы. Две из них связаны с пьесами И. Дворецкого. О «Человеке со стороны» все еще нет-нет да спорят.

Я вспомнил об этом потому, что в спорах о пьесе мало кто упоминал экономиста Шеголеву — женщину, которую любил Чешков. Не упоминали, ибо она была совершенно необязательная в драме, и споры о Чешкове были бы столь же темпераментны и длительны без нее. Только талант А. Фрейндлих смог вдохнуть жизнь в эту весьма бегло очерченную фигуру.

Я не знаю, имел ли в виду драматург Алису Фрейндлих, когда писал «Ковалева из провинции», но так и кажется, что ее образ и благодарность актрисе участвовали наряду с общественной целью в написании этой драмы.

Может быть, особый «эффект присутствия» Фрейндлих

на сцене объясняется каким-то трогательным контрастом, который возникает между хрупкостью этой стройной, маленькой сероглазой женщины и тем, казалось бы, непосильным грузом громады любви, громады тревог, громады боли, ответственности и долга, которые жизнь то и дело взваливает на плечи ее героинь.

Надо! Жизнь часто обделяет их любовью — ничего. Возьмут себя в руки и... несут! Надо! Они, как дети, чувствуют фальшь и, как ни больно, умеют с ней рвать. Но зато для них не существует таких понятий, как «принято» или «не принято», «положено» или «не положено», «можно» или «нельзя», когда они устремляются к тому, без чего не могут жить: к справедливости, к делу их жизни...

«Ковалева из провинции» — это оживающий в действии рассказ судьи об одном из дней ее жизни, когда был вынесен приговор, ставший предметом напряженнейшего объяснения судьи и прокурора.

Мы видим воочию, как отстаивание справедливости оборачивается тяжелой работой. И еще мы открываем вдруг целый ряд вещей, которые трудно понять и принять. Ковалева, например, очень любила кататься на коньках, и у нее для этого был красивый костюм и красная изящная шапочка... Нельзя, несолидно, может пострадать авторитет судьи. Почему? Почему может пострадать, если она выносит справедливые решения?

«Жена Цезаря должна быть вне подозрений». Но она и вообще не жена! У нее нет мужа — разошлись. А вот с отцом мужа, старым, больным

человеком, она осталась дружна. Он в ней души не чает. Это духовно близкий ей человек. Старик хочет жить у нее в доме, а не у детей, которые оказались ему чужими. Нельзя! Могут пойти разговоры. И так уже судачат, что старик влюблен в нее.

Все это говорится, разумеется, неофициально, в частном порядке. О, эти приватные разговоры в частном порядке! Скольким они могут испортить жизни! А тут еще в город приехал знаменитый хирург, и есть основания думать, что она, Ковалева, прошлым летом ездила с ним на пароходе. А это нельзя, он женат. А если это любовь? Все равно нельзя. Ее знает город, она должна иметь право судить людей, и она сама отказывается от этого «счастья украдкой»... У судьи был очень трудный день, но приговор был вынесен разумный и точный. Но как она устала, как усталал...

Душевная грация сочетается в этой актрисе со стойкостью, веселая, отчаянная бесшабашность с ясной дисциплиной аналитического ума, бесстрашие самовыражения с меткостью, точность расчета с непосредственностью, свойственной, пожалуй, лишь детям.

Вот почему рядом с этими двумя столь трудными ролями премией имени Станиславского отмечена и роль Малыша из пьесы, созданной до хорошо известной детской повести шведской писательницы Астрид Линдгрен «Малыш и Карлссон», который живет на крыше». Одинокий Малыш, мечтающий о собаке, как о счастье, — это тоже одна из тех чистых и пронзительных мелодий, что живут в мире Фрейндлих.

Она актриса истинно синтетическая. Вокальные монологи, которые Брехт называл «зонгами», всегда являются для нее продолжением действия, характера или возможностью сказать залу что-то от себя или от театра.

Все дискуссии о том, правомочен или неправомочен музыкальный спектакль на драматической сцене, кончаются в тот момент, когда начинает петь Алиса Фрейндлих.

Я помню ее яростные песни неукротенной шекспировской Катарини в «Угрошении строптивой», ее зонги от театра в композиции «Люди и страсти», где она, играя классических королей, мятежниц и мучеников, созданных немецкой драмой, сама же комментировала их путь, стоя у микрофона. Но, пожалуй, чаще всего в моей памяти всплывает Фрейндлих — Дульцинея из Тобоса — неприметная деревенская девчушка — распустеха, ее и не заметишь сразу: сидит себе в уголочке, чистит свою «испанскую» картошку и слушает, как легендарный Дон Кихот любил Дульцинею Тобосскую, постепенно понимая, что эта прекрасная дама она сама! Разъярится ее жених, привыкший к тому, что она скоро станет принадлежностью его хозяйства, всполошатся соседи, начнется потасовка, и все будут приставать к ней, требуя ответа: было что-нибудь у нее с Дон Кихотом или не было? И она, уже узнавшая из рассказа Санчо Пансы, что такое любовь рыцаря, будет неистово защищать свое право на нее: «Было. было, было!».

А потом из этого кипения страстей песня Дульцинеи — Фрейндлих. От имени всех женщин она поет о том, как ждут они рыцарской любви, рыцарской чести, рыцарской верности слову, рыцарской готовности вступить в бой за свободу и справедливость.

Собственно, во имя этого и выходит Алиса Фрейндлих на сцену, чтобы творить свои чудеса.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.